

УЧАСТИЕ ЗАГЛАВИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕРОЯ РАССКАЗА Г.И. ГАЗДАНОВА «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»

А.А. Кухтенкова

Ключевые слова: заглавие-символ, психологизм, лейтмотив, текстовые парадигмы.

Keywords: the title-symbol, psychology, leitmotif, text paradigm.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-05

Как это часто бывает в произведениях Г.И. Газданова, развертка заголовочного слова начинается ближе к концу произведения («Полет», «Возвращение Будды», «Бомбей», «Железный Лорд») (см. подробнее: [Кухтенкова, 2019, с. 15]). Главное назначение заглавия в рассказе Г.И. Газданова «Черные лебеди» — представление, номинирующее текст и имплицитное участие в раскрытии содержательно-концептуальной информации. Заголовочная номинация актуализована в тексте и в прямом значении, но обростаёт символическими смыслами при характеристике героя.

В русской картине мира устойчивым элементом являются белые лебеди. Но есть земли, например Австралия, для фауны которых характерны *черные лебеди*. В сказках сохраняется метафорический образ внешне прекрасного, но коварного *черного лебедя*, ставшего основой для балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро». Образ Одетты — белого лебедя — является антиподом Одилии — черного лебедя.

Для сравнения текстового ассоциативного поля, заданного заголовочным компонентом «лебедь», обратимся к материалам словарей символов, учитывая выявленные в рассказе символические нюансы. «Лебедь» иногда выступает символом **тайны**. Античные легенды гласят, что лебедь поет только перед **смертью** (отсюда выражение «лебединая песня») и потому он символизирует **конец жизни**. Он символизирует также **одиночество** и убежище. Символ **мужества, совершенства**. Олицетворяет чистоту, **величие**» (выделено мною. — А.К.) [Жюльен, 2000, с.108]. Выделены те значения, которые получили развитие в тексте Г.И. Газданова (сюжетной, фабульной линиях) — по отношению к особым, **черным**, лебедям.

Реакции на стимул «лебедь», приведенные в «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н. Караулова, соответствуют текстовым: птица 14, озеро 7, черный 3 [Караулов, 2002, т. 1, с. 314].

Первый компонент заглавия также приобретает символическое значение: **черный** (цвет) — «антипод белого, символ смерти, хаоса, мрака, ночи. Цвет траура. Цвета черный и белый символизируют противостояние двух миров, двух первооснов в человеческом существе, двух духовных ипостасей; черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Он символизирует отчаяние, горе. Как цвет скорби, он демонстрирует потерю и утрату» [Тресиддер, 2005 с. 435].

В рассказе Г.И. Газданова «Черные лебеди» не актуализируется противопоставление белого и черного цвета, а раскрывается необычность черного лебедя. Образ уникального черного лебедя, живущего в Австралии, становится здесь символом автобиографии героя, значимым компонентом в осмыслении его поступков, решений.

«Герой рассказа Газданова Павлов — русский эмигрант, так и не сумевший привыкнуть к своему новому положению, сводит счеты с жизнью. О его смерти сообщается в экспозиции произведения, и далее ретроспективно излагается его история как *самого удивительного человека во многих отношениях* из тех, кого знал герой-повествователь. В самом начале рассказа отмечается исключительность героя, что и побуждает повествователя рассказать о его жизни» [Смирнова, 2018, с. 66]. Рассказ Павлова о далекой Австралии и черных лебедях следует сразу после его воспоминаний о России. Не случайно Павлов выбирает местом самоубийства берег большого озера в Булонском лесу. Смерть героя вблизи озера роднит его с местом обитания лебедей (в том числе и черных).

Синлексема «черные лебеди» соотносится в данном рассказе с межтекстовым лейтмотивом в произведениях Г.И. Газданова «внутреннее путешествие», предполагающее «самопознание, самоопределение, что было представлено в ранних романах художника («История одного путешествия», «Полет»), а также косвенно отразилось в заглавиях многих его произведений: «Ночные дороги», «Пилигримы», «Пробуждение», «Третья жизнь», «Ошибка», «Воспоминание» и др. (см. подробнее об указанном лейтмотиве в статьях литературоведов [Захарова, Кузьмина, 2019; Боярский, 2001; Кузнецова, 2009; Третьякова, 2010]).

В поздних текстах повествуется о «душевном» пробуждении героев, в том числе в романе «Пилигримы» — о героях-пилигримах, совершающих странствие души по святым местам самопознания, включающих перцептивно-метафорические (психосоматические) переживания — о пробуждении Пьера Форэ и Мари-Анны в «Пробуждении».

Рассказ «Черные лебеди» пропитан исповедальностью, психологическим автобиографизмом, в связи с этим одна из наших задач — про-

анализировать роль номинации заголовочного комплекса в психологической характеристике главного героя:

Заглавие рассказа связано с возникшей любовью Павлова к «горячей» Австралии и к черным лебедям (косвенный психологизм); о которых герой прочитал *...все, что было о них написано... он казался явно взволнованным, когда заговорил о лебедях, которых называл самыми прекрасными птицами в мире... в Австралии водятся черные лебеди. В известное время года, над внутренними озерами этой страны они появляются десятками тысяч ... он говорил о небе, покрытом могучими черными крыльями...* (Г.И. Газданов, 2009, с. 675).

Герой гиперболически обобщает это явление и с сожалением говорит, что никогда не сможет его увидеть: *Это какая-то другая история мира, это возможность иного понимания всего, что существует, – говорил он, – и это я никогда не увижу...* (с. 675⁸). Рассказчик подчеркивает абсолютную поглощенность этой идеей своего друга: *... в зависимости от того, что я только что слышал, все стало неважным и пустым, только зрительным впечатлением — как пыль, вдалеке поднимающаяся на дороге* (с. 675).

Эмигрант из России, Павлов мечтал хотя бы на время ощутить себя нужным и свободным, как австралийский черный лебедь. Это мечта выражена при помощи непосредственного воссоздания процессов внутренней жизни человека с помощью *внутреннего монолога, авторского психологического анализа, несобственно-прямой внутренней речи* и т.д. («прямой психологизм» состояния [Асмолова, Терехова, 2020, с. 15]). Это возможность иного понимания всего, что существует. Переживание невозможности изменить свое положение стало причиной самоубийства героя. Для Павлова черные лебеди — это избранные птицы, как и он сам, что эксплицировано через положительно окрашенные прилагательные-интенсивы. *Могучие черные крылья* напоминают о храбрости самого героя и мужестве птиц. Все остальное в жизни героя становится *неважным и пустым*.

В рассказе Г.И. Газданова крик лебедей, уподобляющийся словам, в восприятии главного героя сравнивается с музыкальным звучанием, переданным *более сильным и чистым звуком* через плеонастический повтор *кричать / крик*:

– Черные лебеди! — повторил он. — Когда наступает период любви, лебеди начинают кричать. Крик им труден; и для того, чтобы издать более сильный и чистый звук, лебедь кладет шею на воду во всю длину

⁸ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на страницы рассказа Г.И. Газданова «Черные лебеди». См.: Газданов Г.И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 2009. Т. 1.

и потом поднимает голову и кричит. На внутренних озерах Австралии! Эти слова для меня лучше музыки (с. 675).

Австралия с ее черными лебедями становится единственной спасительной иллюзией для эмигранта Павлова, так как ассоциируется со свободой, безграничным пространством, исполнением желаний. «Эта страна для героя — его придуманная **иллюзия, символ мечты** о другом мире, олицетворяемом образом **черных лебедей**» (выделено мною. — А.К.) [Смирнова, 2018, с. 67] Черные лебеди являются символом этой ощущаемой свободы — и через форму условного наклонения передается сон рассказчика, отражающий фантастическую ирреальность, которая гиперболизуется при помощи образа множества (*тысячи черных крыльев*) и метафоры-гиперинтенсива (*закипела вода*). «Разумеется, Павлов не поэт, но в какой-то степени «черные лебеди» в рассказе — это метафора поэзии, ведь говорит Павлов о них именно как о чем-то глубоко поэтичном и как о мечте всей своей жизни» [Кибальник, 2008, с. 32].

Используются лексемы *взгляд, глаза и увидел* в прямом смысле («косвенный психологизм» [Асмолова, Терехова, 2020, с. 15]) и предварительно — в переносном (как соединение всех *желаний, мечтаний, надежд* Павлова), например:

Он долго говорил еще об Австралии и черных лебедях. ... Австралия была единственной иллюзией этого человека. Она соединила в себе все желания, которые когда-либо у него <Павлова> появлялись, все его мечты и надежды. Мне казалось, что если бы он вложил всю силу своих чувств в один взгляд и устремил бы глаза на этот остров, то вокруг него закипела бы вода; и я увидел в своем воображении эту фантастическую картину, которую мог бы увидеть во сне: тысячи черных крыльев, закрывающих небо, и холодный и пустой вечер на безлюдном берегу, возле которого кипит и волнуется море.

...В сущности, я уезжаю в Австралию, ... Я думал об одной поездке, но теперь мне кажется, что, если бы она вдруг не оправдала моих надежд, это было бы для меня самым сильным ударом (с. 676).

Символ Австралии для Павлова — последняя надежда на конец парижской эмиграции, она передается и герою-рассказчику, подключая *воображение и фантазию*. Для Павлова все сложнее: Австралия — это и недостижимая действительность (*надежды и желания*); и мираж (*иллюзии, мечты*). Придуманый отъезд Павлова в Австралию — возможность скрыть его самоубийство как единственный способ прервать эмиграцию. Он не мог и не хотел больше жить вдали от Родины и боялся того, что Австралия не оправдает его *надежд*.

В данном тексте представлена кольцевая композиция, отражающая несбывшееся желание героя уехать в Австралию и увидеться там с черным лебедем. В конце рассказа Павлов обращается к рассказчику с просьбой *вспоминать черных лебедей: Вспомните когда-нибудь о черных лебедях!* (с. 677). Зеркально и начало текста, когда Павлов пишет прощальное письмо брату, используя пейоративные синонимы-прилагательные для описания своей жизни: *«Милый Федя, жизнь здесь тяжела и неинтересна. Желаю тебе всего хорошего. Матери я написал, что уехал в Австралию»* (с. 660). «Расставание с Россией через призму этой мечты и смерти главного героя воспринимается настоящей трагедией. Эту мысль подтверждает и скрытое противопоставление образа жизни за границей и в России как «здесь» и «там». Слово «здесь» и словосочетание «черные лебеди» являются в тексте противопоставленными «ключевыми знаками» несвободы, душевной слабости и свободы, ощущение могучего душевного подъема» [Данилова, 2016, с. 16].

Заголовок текста в полном виде повторяется в тексте всего пять раз, причем четыре из них на последних страницах (сместить повтор заглавия в конец произведений свойственно писателю), оно обрастает в тексте глубинными смыслами (тайна, одиночество, совершенство, величие). Именно глубинные смыслы позволяют охарактеризовать самого главного героя. Остановимся на этом подробнее.

Характеристика героя в устах рассказчика идет как бы в унисон с восприятием рассказа Павлова о необычных птицах: суперлативно актуализируется сема 'совершенство', которая характеризует лебедей: *Из всех, кого я знал, Павлов был самым удивительным человеком во многих отношениях; и, конечно, самым выносливым физически* (с. 661). Параллельно используются формы сверхвысокой степени качества при помощи наречного интенсификатора: *Он был исключительно силен и крепок. Его тело не знало утомления; после одиннадцати часов работы он шел гулять и, казалось, никогда не чувствовал усталости. Работать он умел, как никто другой, и так же умел экономить деньги* (с. 661). Усилительные отрицания, в том числе в устойчивых сравнительных оборотах (*как никто другой, не знало утомления, никогда не чувствовал усталости*); интенсификатор *исключительно* подчеркивают избранность героя, его необычность, могучую силу, что, по словарю символов, отличает и лебедей. Необычны, многозначны и птицы, и сам герой.

Уникальны не только физические данные героя — совершенен его внутренний мир, что подчеркивается словами с приставкой *не*, использованием повторов *прекрасный* (сверхвысокая степень качества); *например:*

Но **физические** его качества казались **несущественными и неважными** по сравнению с его **душевной силой**, **пропадавшей совершенно впустую**. Он сам не мог бы, пожалуй, определить, как он мог бы использовать свои **необыкновенные данные**; они оставались **без приложения**» (с. 662).

Рассказчик выражает предположение, опираясь на экстремальные условия (**катастрофы, землетрясения, эпидемия чумы, горящий лес**). Он мог бы, я думаю, быть **незаменимым** капитаном корабля, но при **непрерывном условии**, чтобы с кораблем постоянно происходили **катастрофы**; он мог бы быть **прекрасным путешественником** через город, подвергающийся **землетрясению**, или через страну, охваченную **эпидемией чумы**, или через **горящий лес**. ... он был **прекрасным** работником (с. 662). Подчеркивается недореализованность героя, духовных сил, отмеченных синонимами **необыкновенные, незаменимый**.

Контекстуальные синонимы, включающие перифразы (**собственная сила / внутреннее давление; добровольная смерть / самоубийство**) и сравнение-интенсив (**взорвался как закупоренный сосуд**) объясняют поступок героя: **Я подумал однажды, что, может быть, его же собственная сила, искавшая выхода или приложения, побудила его к самоубийству; он взорвался как закупоренный сосуд от страшного внутреннего давления. Но всякий раз, пытаясь понять причины его добровольной смерти, я вынужден был отказаться от этого, так как к Павлову не подходил ни один из тех принципов, которые определяют поведение человека в самых разнообразных случаях** (с. 662). Резюме рассказчика о необычности героя выражается рядом синтаксических синонимов (параллельных синтаксических конструкций, соотносимых по построению и близких по значению): **...и в результате Павлов неизменно оказывался вне всей системы рассуждений и предположений; он был в стороне, он ни на кого не походил**» (с. 662). Перифраза **добровольная смерть** соответствует символу **лебедей** как предвестников смерти.

Загадочная, противоречивая русская душа Павлова прежде всего искала свободы и самореализации. Особенности качества героя подчеркивают эпитеты (**чуждаковатым, чрезвычайно странным, на редкость любопытен**, но в то же время **отличный человек**); лексический повтор, обусловленный использованием синонимов (**жалость, сочувствие**) и антонимов (**душевной/логической**):

У него не было **душевной жалости**, была **жалость логическая**; мне кажется, это объяснялось тем, что сам он никогда не нуждался в чьем бы то ни было **сочувствии**. Его не любили товарищи; и только уж очень

простодушные люди были с ним хороши: они его не понимали и считали немного **чудаковатым**, но, впрочем, отличным человеком. ... позже я узнал, что Павлов, этот **непоколебимый и непогрешимый** человек, был в сущности **мечтателем**. Это казалось **чрезвычайно странным** и менее всего на него похожим — и, однако, это было так... сам Павлов был **на редкость нелюбопытен**; он делал опыты только над собой (с. 665).

Рассказчик, используя синонимы, лексические повторы, восхищается свободолобием Павлова, независимостью его рассуждений, непринужденностью в поведении, отсутствием предрассудков, и в этом случае прослеживается его косвенное сходство с лебедями:

В нем была **сильна** еще одна черта, **чрезвычайно редкая**: **особенная свежесть** его восприятия, **особенная независимость** мысли — и **полная свобода** от тех предрассудков, которые могла бы вселить в него среда. ... он провел свою жизнь **вне каких бы то ни было сословных ограничений**: все люди всех классов были ему чужды. Но **самым удивительным** мне казалось то, что не будучи награжден очень сильным умом, он сумел сохранить **такую же независимость** во всем, что касалось тех областей, где влияние авторитетов особенно сильно — в литературе, в науках, в искусстве. Его суждения об этом бывали всегда **не похожи на все или почти все**, что мне приходилось до тех пор слышать или читать (с. 672).

Синонимы **редкая**, **особенная**, интенсификатор абсолютной степени **чрезвычайно**, синонимический ряд **независимость**, **свобода**, усилительно-смягчительное словосочетание **не похожи на все или почти все** — характеризуют личность героя. Необычность Павлова, которая постоянно подчеркивается в рассказе, соотносится с представлениями о **черных лебедях**.

Косвенный психологизм проявился в описаниях речевого поведения: **Странное впечатление** производила его речь: **никогда** во всем, что он говорил, я не замечал никакого желания **сделать хотя бы небольшое усилие** над собой, чтобы сказать **любезность или комплимент** или просто умолчать о неприятных вещах; вот почему его многие **избежали** (с. 670). Высокомерное поведение, явное горделивое презрение к другим проявляется в оценочных повторах, описывающих **холодную улыбку превосходства** главного героя: У него была **особенная улыбка**, от которой вначале становилось неприятно: это была **улыбка превосходства**, причем **чувствовалось** — это **ощущали почти все**, что у Павлова есть **какое-то право так улыбаться**. ... смеялся своим **особенным, холодным смехом**... обидной и **холодной улыбкой** (с. 663). Черные австралийские лебеди тоже совершенны и как бы гордятся этим, но презрительного превосходства не проявляют.

Риторический вопрос Павлова в диалоге с рассказчиком указывает на скорбь души: *...какой смысл мне так жить? ... точно говорил всем своим высокомерным видом: вы видите, какие это все простые вещи и вместе с тем я их понял, а вы не понимаете и не поймете* (с. 673). Высокомерный вид героя намекает на самодостаточность, величавость *черного лебедя*.

Рефлексия рассказчика на самоубийство Павлова присутствует в следующем сожалении, содержащем атрибутивные, субстантивные и глагольные оценочные синонимы:

...но я жалел о том, что через некоторое время перестанет двигаться и исчезнет из жизни такой ценный и дорогой, такой незаменимый человеческий механизм; и все его качества — неустойчивость, храбрость и страшная душевная сила — все это растворится в воздухе и погибнет, не найдя себе никакого применения (с. 674).

Тайна личности Павлова для рассказчика передается при помощи параллелизма, сопоставляющего человека и нечеловеческие явления и актуализирующего заглавие рассказа:

Я знал этого человека много лет, знал его ближе, чем другие, и мог только думать в результате, что передо мной возникло и прошло таинственное явление, для определения которого у меня не оказалось ни мыслей, ни слов, ни даже интуитивного понимания. Я мог бы успокоиться на этом, сказав себе, что Павлов с его самоубийством так же загадочен для меня, как те животные, живущие на дне моря, которые совершенно похожи на растения, как ночной шум неизвестного происхождения, как множество других нечеловеческих явлений (с. 675). Тайна, загадка, неизвестность свойственны герою так же, как и лебедям.

Иначе воспринимать загадочность героя рассказчик начнет после того, как он услышал от Павлова о *черных лебедях*. Печальная тайна Павлова становится ему понятна. Словосочетание «печальная тайна» символически соединяет лебедя как тайну и черный цвет как сигнал скорби.

Трагическая струна рассказа, получающая имплицитный отклик в заглавии, связана с самоубийством Павлова, которое описано рассказчиком как постскриптум при помощи гипонимов смерти, принадлежащих разным частям речи.

Павлов никогда не меняет своих решений (двадцать пятого августа я застрелюсь) и отговаривать его — значит попусту терять время... После этого разговора я уже твердо знал, что Павлов застрелится... Павлов приговорен к смерти, никакие силы не спасут его: и его голос, который тогда звучал и колебался, так и пропадет без от-

клика, так и заглохнет в этом теле, которое станет **трупом**. ... Двадцать шестого августа прошлого года я раскрыл утром газету и прочел, что в Булонском лесу, недалеко от **большого озера**, был найден **труп русского, Павлова** (с. 661).

Решительность героя не остановило и приближение смерти, которая наступила вблизи озера (отдаленно напоминающего озёра Австралии), тем самым он как бы сблизился с *черными лебедями*. Недаром Павлов не просто говорит, что уезжает, но и верит в то, что *смерть — это лучший способ осуществления мечты*, который, в отличие от реального, отнюдь не грозит разочарованием: *В сущности, я уезжаю в Австралию*. Не случайно и герою-рассказчику в то утро кажется, что он «только что услышал и понял» «самые важные вещи» [Кибальник, 2008, с. 32]. Повторы гипонимов *застрелится, труп* отсылает читателя к концептуальному смыслу заглавия рассказа: печальное событие, отчаяние, горе, утрата, мечты — все окрашено в черный цвет *лебедей как символов смерти*.

«Причиной самоубийства Павлова в рассказе Газданова является национальная болезнь — скука, особенно остро переживаемая на чужбине (жить мне скучно, мне просто скучно). Душевная катастрофа, переживаемая Павловым на чужбине, связана с атрофией чувств и утратой интереса к жизни» [Смирнова, 2018, с. 66]. Это состояние также ассоциируется с символикой **черного цвета** и образом смерти: физическая любовь к жизни не была сильна у этого человека. Павлов не раз говорит о равнодушии к нему других, в том числе близких (*его многие избегали*): *... никому решительно моя жизнь не нужна, они (родные) особенно не огорчатся; то есть им, конечно, некоторое время будет неприятно, но, в сущности, никто из них во мне не нуждается*. Высказывает и свое равнодушие, неверие: *... в будущем никаких изменений не предвижу и нахожу, что все это очень неинтересно, ничем особенно не интересуюсь* (с. 673).

Павлов в разговоре с героем-рассказчиком обращает внимание на то, что *в каждом человеке есть одно какое-нибудь качество, самое существенное для него, а остальное — так, добавочное* (с. 672). Прямое значение заголовочной синлексемы позволяет сравнить поведение и особенности птицы (имплицитно) и человека. И животное, и человек уникальны, но у них есть похожие характеристики, о чем свидетельствуют использование форм сверхвысокого качества, иногда — антонимов. Антонимо-синонимические блоки: *самым удивительным, необыкновенные данные, нечеловеческое явление, неисчерпаемое духовное могущество Павлова / совершенно впустую, без приложения/искал выхода; исключительно силен и крепок, самым выносливым/в стороне, ни*

на кого не походил, не найдя никакого применения, погибнет; нечеловеческое явление, загадочен, ни на кого не походил. Рассказчик сожалеет о *неистраченном духовном могуществе* Павлова в тех обстоятельствах, в которых ему следовало провести всю свою жизнь.

Необычная, непривычная окраска лебедей ассоциируется с одиночеством главного героя, отсутствием свободы и, как следствие, самоубийством. Неслучайны кольцевая композиция и прием «текста в тексте» (письмо брату и рассказ о *черных лебедях*). Мысленный отъезд героя в Австралию считается двояко: обретение *свободы* и *самоубийство*, что отождествляется в сознании главного героя. Призыв Павлова вспоминать о *черных лебедях* доказывает, что он и птицы — общий символ стремления к свободе. В рассказе особо значимы приемы прямого и непрямого психологизма.

Символ *лебедя* остается в тексте имплицитным, но материалы словаря символов позволяют сблизить впечатления о поведении птиц и главного героя: *таинственное явление, загадочен* (символ *лебедей* тоже содержит тайну); *могучие крылья* (*духовное могущество, душевная сила*); *прекрасные птицы/прекрасно работал* (совершенство). Характеристика героя и птиц сблизается топосом Австралии как символа *иллюзии* (сменить место эмиграции), *мечты, воображения, фантазии, сна, прекрасного путешественника, мечтателя*.

Окрас лебедей (*черные крылья*) ассоциативно связан с образом *смерти, самоубийства, удара / катастрофы / внутреннего давления* (крушение надежд, смену места эмиграции); эмигрантской *скуки*. Необычность номинации заглавия «Черные лебеди» обеспечивает печальную тайну, поведенную рассказчиком.

Таким образом, актуализация заглавия в содержании текста рассказа опирается в основном на имплицитную ориентацию образа австралийских *черных лебедей*, представленного в мечтах главного героя, русского эмигранта Павлова, — на особенности его характера, поведения, описываемые сочувствующим рассказчиком. Можно сказать, что писатель здесь использует прием опосредованного зеркального психологизма: проявления героя обусловлены содержанием его иллюзий.

Библиографический список

Асмолова Е.В., Терехова С.С. Поэтика психологизма в романах и документальной прозе Г.И. Газданова. Калуга, 2020.

Боярский В.А. О некоторых лейтмотивах романа Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Исследовано в России. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/006.pdf>.

Данилова О.Л. Русская тема в рассказе Г. Газданова «Черные лебеди» // Мир языков: ракурс и перспектива : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 марта 2016 г. Нижний Новгород, 2016.

Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 2005.

Захарова В.Т., Кузьмина И.М. Мотив пути в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Филологический диалог: сборник науч. статей. Нижний Новгород, 2019.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь М., 2002.

Кибальник С.А. Рассказ Гайто Газданова «Черные лебеди» как метатекст // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2008. Вып. 7.

Кузнецова Е.В. Доминантные мотивы в романах Г.И. Газданова // Гуманитарные исследования. 2009. №2.

Кухтенкова А.А. Лексические текстовые парадигмы в языке произведений Г.И. Газданова: структура, семантика, функционирование. Новосибирск, 2019.

Смирнова А.И. Проблема русской души и тип героя в рассказах «Коновалов» М. Горького и «Чёрные лебеди» Г. Газданова // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. № 1.

Трессидер Д. Словарь символов. М., 2005.

Третьякова О.А. Мотив путешествия в романе Г. Газданова «История одного путешествия» // Научная жизнь. 2010. № 1.

Источник

Газданов Г.И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 2009. Т. 1.

References

Asmolova E.V., Terekhova S.S. *Poetika psikhologizma v romanakh i dokumental'noy proze G.I. Gazdanova* [The poetics of psychologism in the novels and documentary prose of G.I. Gazdanova]. Kaluga, 2020.

Boyarsky V.A. *O nekotorykh leymotivakh romana Gayto Gazdanova "Prizrak Aleksandra Vol'fa"* [On some leitmotifs of Gaito Gazdanov's novel "The Ghost of Alexander Wolf"]. In: *Issledovano v Rossii* [Researched in Russia]. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/006.pdf>.

Danilova O.L. *Russkaya tema v rasskaze G. Gazdanova «Chernyye lebedi»* [Russian theme in G. Gazdanov's story "Black swans"]. In: *Mir yazykov: rakurs i perspektiva* [World of languages: perspective and perspective]. Nizhny Novgorod, 2016.

Zhyul'yan N. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Chelyabinsk, 2005.

Zakharova V.T., Kuz'mina I.M. Motiv puti v romane Gayto Gazdanova "Vecher u Kler" [Motive of the path in Gaito Gazdanov's novel "An Evening at Claire's"]. In: *Filologicheskii dialog* [Philological dialogue]. Nizhny Novgorod, 2019.

Karaulov Yu.N. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow, 2002.

Kibalnik, S.A. *Rasskaz Gayto Gazdanova «Chernyye lebedi» kak metatekst* [Gaito Gazdanov's short story "Black swans" as metatext]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University]. Vyp.7. 2008.

Kuznetsova E.V. *Dominantnyye motivy v romanakh G.I. Gazdanova* [Dominant motives in G.I. Gazdanova]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanities research]. 2009 No. 2.

Kukhtenkova A.A. *Leksicheskiye tekstovyye paradigmy v yazyke proizvedeniy G.I. Gazdanova: struktura, semantika, funktsionirovaniye* [Lexical text paradigms in the language of the works of G.I. Gazdanov: structure, semantics, functioning]. Abstract of Philol. Cand. of Diss. Novosibirsk, 2019.

Smirnova A.I. *Problema russkoy dushi i tip geroya v rasskazakh «Konovalov» M. Gor'kogo i «Chornyye lebedi» G. Gazdanova* [The problem of the Russian soul and the type of hero in the stories "Konovalov" by M. Gorky and "Black Swans" by G. Gazdanov]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2018. No.1.

Tresidder Dzhek. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, 2005.

Tret'yakova O.A. *Motiv puteshestviya v romane G. Gazdanova "Istoriya odnogo puteshestviya"* [Travel Motive in G. Gazdanov's novel "The story of a journey"]. In: *Nauchnaya zhizn'* [Scientific life]. 2010. No.1.

List of sources

Gazdanov G.I. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol.1. Moscow, 2009.